

- Тебе неприятно это слышать? Да толку с того, что тебе неприятно, если люди всё равно так думают! Что такое гомосексуализм? Это своего рода заразная болезнь! Поговорить со мной — и уже заразишься, даже если просто бросишь на меня взгляд!

Лю Нин хлопнул по столу:

- Юнь Цюцзе! У тебя вообще есть хоть капля гордости, а? Какая еще зараза? С чего бы ей передаваться? Я вон сколько лет с тобой общаюсь — и что, заразился? Твою мать, хватит слушать всякую херню, которую несут эти ублюдки! Подумаешь, безработица! Что, помирать теперь с голоду? Если припрёт, пойдёшь со мной открывать чайную лавку! Не верю я, что ты с голодухи загноёшься!

- Именно! С какой стати-то? Если мне нравятся мужчины, это же не значит, что я падаю на каждого встречного! Я просто хотел с ними подружиться, а таких отморожков, как они, даром не возьму!

- Правильно говоришь! Ну-ка, давай за это выпьем!

- Точно! Пусть Бо Сун идет жалуется куда хочет! Кого это волнует!

Вообще-то... Бо Сун еще ничего не сказал и ничего не сделал, между прочим. Он был совершенно невиновен, между прочим.

На следующий день, когда Юнь Цюцзе пришел на работу, лицо у него было хуже некуда. Да и как тут не испортиться настроению? Весь вечер напролет: то выпивка, то песни, то дикие вопли. А когда утром проснулся и попытался заговорить — бац, сорвал голос напроочь.

Почему он вечно такой невезучий? — думал Юнь Цюцзе. Мало того что он скоро лишится работы, так еще и голос сорвал. В итоге, когда его будут увольнять, он даже слова сказать не сможет, и будет выглядеть так, будто он сам во всем виноват.

- Учитель! - припрыгивая, подбежал Бо Цин и схватил Юнь Цюцзе за руку. - Учитель, почему вы вчера так рано ушли? Я же хотел поиграть с вами в игры!

Юнь Цюцзе погладил его по голове:

- Ты... кхе, твой папа сегодня не пришел?

- Сегодня же не родительское собрание, с чего бы ему приходиться?

- Ох, да так, ничего, я просто спросил. Умничка, иди на урок.

- Учитель, а что у вас с голосом?

- Ничего, учитель просто сорвал голос, через пару дней пройдет.

- О, ну тогда я в класс! – Бо Цин не стал допытываться и, ласково потеревшись о Юнь Цюцзе, побежал к классу.

Юнь Цюцзе помедлил, но все же окликнул его:

- Бо Цин, подожди-ка, у учителя есть к тебе вопрос.

- Какой вопрос, учитель?

- Эм... Вчера, после того как я ушел, папа тебе ничего не говорил?

Юнь Цюцзе присел на корточки и спросил севшим голосом:

- Говорил. Сказал, что если я еще раз посмею задать тебе какие-нибудь дурацкие вопросы, он меня прибьет.

- А что-нибудь еще?

- О, он спросил, не проиграл ли я опять его игровые бобы.

- А еще? Например, чтобы ты больше к мне не приближался?

Бо Цин склонил набок маленькую головку, долго думал, а потом покачал головой:

- Нет... А, вспомнил!

Юнь Цюцзе замер.

- Он велел передать тебе спасибо за то, что ты специально заходил навестить его. Больше он ничего не говорил. А почему он должен был говорить, чтобы я к вам не приближался, учитель?

- ...А, тогда ладно, иди на урок.

- Учитель, папа вас обидел? – Бо Цин вцепился в его рукав и не отпускал. – Если он вас обидел, скажите мне, я позвоню дедушке, и он задаст ему трепку! Моего папу каждый раз, когда он возвращается домой, дедушка гоняет по всему дому!

Юнь Цюцзе невольно усмехнулся от его слов. Этот ребенок наверняка уже не первый день мечтает, чтобы дедушка отлупил его отца, и небось только и ждет удобного повода, чтобы

позвать дедушку! Вот же вредный ребёнок, целыми днями только и думает, как бы отомстить папке.

- Нет, твой папа меня не обижал. Это я судил о благородном муже по меркам мелкого человешишки. Беги на урок.

Бо Сун не пришел. И он не заставлял Бо Цина держаться от себя подальше, как от источника заразы. Как же это хорошо.

Вернувшись домой, Бо Цин тут же ухватил Бо Суна за рукав:

- Папа, а что такое «сердце мелкого человешишки по меркам благородного мужа»?

Именно так: он перепутал поговорку «судить о сердце благородного мужа меркой мелкого человешишки» и превратил ее в «сердце мелкого человешишки по меркам благородного мужа». Изменился даже не порядок слов, всё перепуталось.

- Что за чушь ты несешь? Кстати, твой учитель сегодня что-нибудь говорил?

Бо Цин надул губы:

- Чего это вы сегодня оба спрашиваете об одном и том же? Если так хочется узнать, взял бы да позвонил.

- У тебя откуда столько вопросов? Ты ужинать собираешься вообще или нет?

- Не! Хо!чу! Папа, твоя стряпня хуже свиного хрючева! Я это есть не буду! - стоило зайти за ужин, как Бо Цин взвился кошачьей мажентой и отступил на несколько шагов назад. - Я больше не буду есть то, что ты готовишь!

Бо Сун отвесил ему подзатыльник:

- Не хочешь — как хочешь! Думаешь, кому-то в радость готовить на тебя целыми днями? Мне самому не нравится готовить то, что тебе не по вкусу! Проголодаешься — поймешь!

Конечно, Бо Цин был родным сыном Бо Суна, и хотя на словах тот грозился заморить его голодом, на деле сделать такое он, разумеется, не мог. Бо Сун и сам прекрасно знал, что его стряпня — не самый легкий для желудка продукт, поэтому ему пришлось заказать для сына порцию баклажанов с рисом на вынос.

Уплетая рис, Бо Цин заметил:

- Папа, ты ведь не даешь мне есть еду на вынос только потому, что твоя стряпня слишком отвратительна, да?

Бо Сун промолчал.

– А! Точно! Ты же только что спрашивал, что сказал учитель? Я спросил учителя, не обижал ли ты его, а он ответил, что нет, это он сам, мол, сердце мелкого человечихи по меркам благородного мужа... Папа, сегодня утром у учителя совсем пропал голос, это ты его обидел, признавайся?

– Ах ты ж паршивец мелкий, на меня все шишки готов вешать! С чего это вдруг охрипший голос твоего учителя — моих рук дело? – Бо Суну оставалось только горько улыбнуться. неужели он похож на какого-то злодея?

Бо Цин уставился на него с подозрением во взгляде, а в уголках рта у него еще белели две прилипшие рисинки от заказанной еды.

– И вообще, эта фраза звучит как «судить о сердце благородного мужа меркой мелкого человечихи», неуч ты эдакий.

Бо Сун шлепнул Бо Цина по голове так, что тот уткнулся носом прямо в тарелку с рисом. Если до этого рисинки были только в уголке рта, то теперь в них оказалась вся его физиономия. Не успел мальчишка поднять голову для протеста, как виновник торжества снова отвесил ему подзатыльник, возвращая в тарелку:

– Да, кстати, с голосом твоего учителя всё в порядке?

– Учитель, учитель, это вам! – прибежал Бо Цин с маленьким рюкзачком за спиной и, словно преподнося сокровище, протянул Юнь Цюцзе пакетик.

Юнь Цюцзе присел на корточки:

– Что это?

– Я вернулся домой и сказал папе, что у учителя пропал голос, и папа велел передать это учителю.

Юнь Цюцзе заглянул внутрь: там лежали две корочки леденцов от кашля и маленькая записка. Достав ее, он увидел почерк Бо Суна — красивый, ровный, словно напечатанный на принтере: «Принимать не больше пяти штук в день. Не бери леденцы Цзиньсаньцзы, они вредны для желудка».

– Вернувшись... кхе, передай папе спасибо. – Юнь Цюцзе погладил Бо Цина по головке. – За эти леденцы, и вообще за всё — передай папе спасибо.

Леденцы оказались мятными, и во рту оставался привкус свежести, сохранявшийся весь день.

И правда, очень хорошо. Быть просто хорошими друзьями — этого более чем достаточно.

Словно ничего и не было, Бо Цин по-прежнему ежедневно семенил хвостиком за Юнь Цюцзе, щебеча и требуя, чтобы тот стал его мамой. А когда не заговаривал об этом, то начинал жаловаться на отвратительную стряпню отца и такую же невкусную еду на вынос, попутно допытываясь, когда же Юнь Цюцзе снова придет к ним домой готовить.

Изредка они сталкивались с Бо Суном в кондитерской, и тот так же приветствовал Юнь Цюцзе, иногда перекидываясь с ним парой слов об успеваемости Бо Цина, а если появлялись редкие сладости, всегда оставлял одну корочку для Юнь Цюцзе.

Он так ни разу и не заикнулся о том, что Юнь Цюцзе — гей. Ни единого слова.

От этого Юнь Цюцзе чувствовал себя намного легче, ведь он уже слишком часто слышал заверения в духе: «Я вовсе не дискриминирую геев», после чего стоило ему повернуться спиной, как этот человек навсегда исчезал из списка контактов в его телефоне.

То, что Бо Сун молчал обо всем, было куда лучше любых слов.

Лю Нин скovyрнул козявку:

– Еще пару дней назад ныл мне, что остался без работы, переживал ужасно... И что теперь? Я тут уже вовсю готовлюсь устраивать тебя на новое место, а ты выглядишь так, будто у тебя снова всё отлично?

Юнь Цюцзе с брезгливым видом вытянул бумажную салфетку и залепил ей лицо друга. От такого удара палец Лю Нина, засунутый в ноздрю, зашел еще глубже, но тот даже глазом не моргнул — просто вытащил его и вытер о салфетку.

Юнь Цюцзе передергнуло в позыве тошноты:

– Тебе самому не противно? Кто вообще после этого рискнет пить твой чай? От него же козявками разит! Ой, погоди-ка, ты что, расстроился, что у меня всё хорошо? Тебе так хотелось, чтобы я остался безработным?

– Да я ли это? Стой, а разве Бо Сун не ходил на тебя жаловаться?

– Ты думаешь, все вокруг такие же придурки, как ты?

– Я? Я-то что? Где ты еще найдешь такого прекрасного мужчину, а? Думаешь, мне легко? Мало того что я целыми днями вожусь с твоей чайной лавкой, так еще и деньги тебе занимаю, когда ты голодаешь! – стоило Юнь Цюцзе задеть его из-за какого-то мужика, как Лю Нин тут же обиделся и оскорбился, по-бабски уперев руки в боки и топнув ногой. – Да я... да я тебе говорю! Из-за того, что ты вечно спускаешь все деньги подчистую, ту самую дорогую сумочку за

несколько тысяч, которую я присмотрел для своей Фан-фан... Я, я ведь даже не смог ее купить, понимаешь?! И после этого я для тебя недостаточно хорош?! Какого чёрта, а?! Какого чёрта какой-то левый мужик заставляет тебя так меня поносить?! С какой стати?!

Юнь Цюцзе вздохнул:

– Лю Нин, ты вообще в курсе, что сейчас выглядишь точь-в-точь как баба? Если мы пойдем так по улице, прохожие решат, что ты — гей. С чего тебя так разнесло? Ладно-ладно, я знаю, что ты о мне заботишься, знаю, чего ты заводишься? Как только ты нервничаешь, сразу начинаешь... за-за-заикаться, сам-то замечаешь?

Лю Нин от этого умышленного заикания просто задохнулся от злости. Какое-то время он не мог вымолвить ни слова, его старое лицо побагровело, и лишь спустя долгие мучения он выдавил:

– Да... да ты, блин, ни черта не понимаешь! Разве я тебя не знаю? На словах хорохоришься, а... а в душе сам весь изъелся! Я... я тебе говорю: держись ты подальше от этого Бо Суна! Слышишь — по-даль-ше!

Юнь Цюцзе нарочно прикинулся дурачком:

– Что? Ревнуешь, что он слишком хорош собой, а я лишний раз на него посмотрел? Расслабься, серьезно: если бы я обращал внимание на внешность, я бы тебя давным-давно бросил — вон та шапка на улице выглядит симпатичнее тебя.

– Веди... веди себя серьезно, я о важных вещах толкую! Тьфу, не могу, из-за тебя я теперь и правда заикаться начал, надо... надо успокоиться, прежде чем продолжать.

Эта проблема у Лю Нина была, по сути, приобретенной: в детстве он услышал, как кто-то заикается, и вздумал подражать, да так увлекся, что и сам разучился говорить нормально. Позже родители устроили ему за это знатную порку, но исправить уже ничего не смогли. Корень зла засел глубоко: стоило ему разволноваться или испугаться, как язык тут же начинал заплетаться.

Эта история учит нас не пародировать чужое заикание.

– Я говорю тебе со всей серьезностью, этот парень — натурал. А ты понимаешь, что значит «натурал»? Натурал означает могила. Чья могила? – Лю Нин шлепнул чашку о барную стойку и ткнул в нее пальцем: – Не моя и не его. Твоя.

– Что ты несешь? Скажи что-нибудь хорошее, нельзя? Накаркать мне смерть хочешь?

– Хватит прикидываться дурачком. В один прекрасный день, когда ты ввяжешься в это по уши, я даже с лопатой наперевес не буду знать, как тебя оттуда выкапывать.

<http://bllate.org/book/19777/1948639>